

Нет автора

**Памятники древней
христианской письменности
в русском переводе**

**Том 3. Сочинения древних
христианских апологетов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Памятники древней христианской письменности в русском переводе: Том 3.
Сочинения древних христианских апологетов / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 378 с.

ISBN 978-5-458-00367-4

ISBN 978-5-458-00367-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

несравненнаго превосходства предъ всѣми другими вѣроученіями; апологіи нерѣдко принимали полемицескій характеръ, обличая ложь и нечестіе язычества, выставяя нецѣпность нехристіанскихъ понятій, опровергая нападеніи языческихъ писателей на христіанство. Правда, что апологіи перваго рода, имѣвшія судебный характеръ, мало имѣли внѣшняго успѣха; но вообще писанія апологетовъ имѣли важное значеніе въ исторіи христіанства, его борьбы съ міромъ враждебнымъ; обращаясь въ средѣ языческаго общества, онѣ разрушали несправедливыя предубѣжденія противъ христіанства и, представляя его ученіе во всемъ Божественномъ величіи, вразумляли и просвѣщали людей, искавшихъ истины и религіознаго удовлетворенія, и медленно, но успѣшно пролагали пути къ распространенію и торжеству христіанской Вѣры.

Кромѣ того, писанія древнихъ апологетовъ замѣчательны и въ отношеніи къ той богословской наукѣ, которая занимается защищеніемъ и раскрытіемъ Божественнаго достоинства христіанской Вѣры. Извѣстно, что апологетика, понимаемая въ смыслѣ науки, образовалась въ новѣйшее время вмѣстѣ съ точнѣйшимъ разграниченіемъ и основательнѣйшею обработкою прочихъ наукъ богословскихъ: тѣмъ не менѣе она, какъ по происхожденію своему, такъ и по содержанію и внутреннему достоинству, находится въ тѣсной связи съ письменностію первыхъ вѣковъ христіанства, когда сочиненіями апологетовъ были положены ея главныя основанія, намѣчены ея существенныя черты.

Между христіанскими апологетами должно прежде всего назвать Кодрата и Аристида, которые представили свои апологіи (*) императору Адриану въ бытность его въ Аѳинахъ

(*) О нихъ см. Евсевія Ц. Ист IV, 3.—Иеронима Catat. Scr. Eccl. гл. 19

(127 г.) Но ихъ сочиненія, а также апологіи—Аристана, Мильтіада и Клавдія Аполллинаріи извѣстны только по свидѣтельствамъ и цитатамъ другихъ церковныхъ писателей. Св. Іустинъ—первый изъ отцевъ церкви-апологетовъ, коего сочиненія дошли до насъ въ значительномъ количествѣ и въ цѣлости. Къ нему примыкають апологетическія творенія изъ II-го вѣка Татіана, Аѣинагора, Мелитона, Теофила и Ермія (*).

Свящ. П. ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ.

и 20. Евсевій сохранилъ отрывокъ изъ апологіи Кодрата, въ которомъ подтверждается историческая достовѣрность чудесъ Христа Спасителя тѣмъ, что нѣкоторые изъ исцѣленныхъ Имъ дожили до нашего времени.

(*) Объ изданіяхъ и переводахъ ихъ сочиненій будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, такъ-какъ онѣ большею частію печатались отдѣльно. Здѣсь можно указать на изданіе ихъ, сдѣланное бенедектинцемъ *Пруд. Мараномъ* (Paris. 1742) и перепечатанное въ VI томѣ греческой патрологіи *Мнля*, и на изданіе твореній Іустина іенскимъ профессоромъ *Отто*, которое превращено имъ въ «*Corpus apologetarum Christ. Sec. II*» и доведено до сочиненія Теофила антиохійскаго.

СОЧИНЕНІЯ

СВЯТАГО ІУСТИНА ФИЛОСОФА

И МУЧЕНИКА.

О СВЯТОМЪ ІУСТИНѢ ФИЛОСОФѢ И МУЧЕНИКѢ. И ЕГО АПОЛОГІЯХЪ.

I.

Іустинъ родился въ Флавіи Неаполѣ, древнемъ городѣ Саваріи Сихемъ (нынѣ Наплузъ), вѣроятно въ началѣ втораго вѣка по Р. Х. Сихемъ, опустошенный во время іудейской войны, былъ возстановленъ императоромъ Флавіемъ Веспасіаномъ, почему и названъ «новымъ городомъ Флавіевымъ (Flavia Neapolis)», и подобно другимъ палестинскимъ городамъ былъ заселенъ греческими и римскими колонистами. Отъ одного изъ семействъ, принадлежавшихъ къ греческой колоніи, происходилъ и св. Іустинъ. Отецъ его назывался Прискомъ, дѣдъ—Вакхіемъ. О такомъ происхожденіи своемъ самъ Іустинъ говоритъ въ началѣ 1-й апологіи (гл. 1), и въ другомъ сочиненіи указываетъ на свое языческое происхожденіе и опредѣленно называетъ себя необрѣзаннымъ (Dial. с. Tgrph. с. 28. 41). Его родители были настолько богаты, что могли доставить ему полное по тогдашнему образованіе.

Съ раннихъ лѣтъ въ Іустинѣ возбудилось горячее стремленіе къ истинѣ, искавшее преимущественно рѣшенія высшихъ вопросовъ о Богѣ и послѣдней судьбѣ человѣка. Язы-

чество въ тогдашнемъ состояніи своего распадѣнія—съ своими, потерявшими смыслъ мѣрами, съ безнравственными обрядами богопочтенія и мало открывавшими человѣческому духу мистеріями—не могло удовлетворить жажды познѣнія Божественнаго. Іустинъ обратился къ философіи, и здѣсь онъ переходилъ отъ одной системы къ другой, доколѣ не нашелъ въ христіанствѣ того, чего искала его душа, томившаяся жаждою истины и внутренняго мира. Объ этихъ тщетныхъ поискахъ своихъ, о путяхъ, пройденныхъ имъ для достиженія познѣнія о Богѣ, онъ самъ рассказываетъ въ началѣ «Разговора съ Трифономъ Іудеемъ». Сначала Іустинъ обратился къ одному стойку; пробывши у него довольно времени, онъ убѣдился, что у него нисколько не приумножилось познѣніе о Богѣ. Учитель стойкъ, по замѣчанію Іустина, не только самъ не имѣлъ познѣнія о Богѣ, но и не почиталъ его за необходимый предметъ философскаго изслѣдованія. Іустинъ перешелъ къ перипатетику; но этотъ обратилъ философію въ орудіе своихъ корыстныхъ интересовъ: чрезъ нѣсколько дней потребовалъ условія о платѣ за свои уроки. Съ прежнимъ довѣріемъ, съ неустанющею надеждою Іустинъ обратился къ пифагорейцу, который былъ въ большой славѣ и самъ имѣлъ высокое мнѣніе о своей мудрости. Этотъ философъ тотчасъ спросилъ Іустина, знаетъ ли онъ музыку, астрономію и геометрію, которыя въ школахъ Пифагора почитались необходимыми приготовительными къ философіи науками,—и распространился въ похвалахъ имъ, такъ какъ онѣ отвлекають душу отъ чувственнаго и дѣлають ее способною къ воспріятію духовнаго, къ созерцанію красоты и добра въ самомъ существѣ ихъ. Іустинъ открылся въ своемъ незнаніи тѣхъ наукъ, и не былъ принятъ въ число учениковъ. Среди отчаянія въ возможности удовлетворить своей жадѣ знанія, Іустинъ вспомнилъ

о платоникахъ, которые также были въ великомъ почтеніи. Одинъ изъ с мыхъ извѣстныхъ между ними только-что прибылъ въ мѣсто пребыванія Іустина. Бесѣды съ нимъ по видѣмому удовлетворили Іустина: успѣхи его въ философіи возрастали съ каждымъ днемъ. «Разсужденіе о вышечувственномъ, говоритъ Іустинъ, возвышало меня болѣе и болѣе, и ученіе объ идеяхъ окрыляло мой умъ; въ короткое время я мечталъ сдѣлаться мудрецомъ и въ своемъ безразудствѣ надѣялся достигнуть созерцанія Бога—этой конечной цѣли Платоновой философіи.» Но неожиданное обстоятельство разбило самодовольное мечтаніе философствующаго разума и дало другое направленіе мыслямъ Іустина. Платонова философія, которая одна изъ всѣхъ системъ языческой древности еще удовлетворяла идеальный умъ, была только послѣднею приготовительной ступеню къ высшей мудрости—въ христіанской Вѣрѣ.

Въ спокойномъ расположеніи духа Іустинъ, желая безпрепятственно предаться размышленію въ глубокомъ уединеніи, вдали отъ встрѣчи съ людьми, отправился однажды въ пустынное мѣсто надалеко отъ моря. Приближаясь къ мѣсту, которое избралъ для своего самоуглубленія, онъ увидѣлъ въ небольшемъ разстояніи позади себя старца кроткой, почтенной наружности. Неожиданная встрѣча поразила Іустина и завлекла его въ разговоръ, который отъ первыхъ обыкновенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ перешелъ въ глубокомысленную философскую бесѣду, имѣвшую рѣшительное значеніе въ жизни Іустина. Старецъ сообщилъ, что пришелъ на морской берегъ ради отсутствующихъ родственниковъ, возвращенія которыхъ онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Когда Іустинъ въ свою очередь объяснилъ, что его привело сюда, въ уединенное мѣсто, такъ удобное для умственныхъ занятій,—позна-

коонецъ возразилъ ему: такъ ты—любитель умствованій, а не дѣла и истины? и не заботишься болѣе быть дѣятельнымъ мудрецомъ, а не софистомъ?» На такое замѣчаніе относительно его философскихъ занятій Іустинъ съ энтузіазмомъ воскликнулъ: «Какое занятіе можетъ быть важнѣе, какъ доказать, что разумъ владычествуетъ надъ всѣмъ, и при помощи его понимать ложность стремленій другихъ людей, не дѣлающихъ ничего здраваго и угоднаго Богу? Безъ философіи не можетъ быть благоразумія. Каждый поэтому долженъ философствовать и почитать это дѣломъ важнѣйшимъ, а все прочее—вторымъ и третьимъ.»—«Ведетъ ли философія—спросилъ еще старецъ—къ счастливой жизни? И что такое философія и какое она доставляетъ счастье?»—«Философія, отвѣчалъ Іустинъ, есть наука о сущемъ и познаніе истины, счастье же есть награда за такое знаніе и мудрость.» Такъ отвѣчалъ Іустинъ по началамъ Платоновой философіи. Тогда старецъ сталъ доказывать философу недостаточность этой системы въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ и необходимость инаго, совершеннѣйшаго руководства. Онъ сперва обратилъ вниманіе на то, что знаніе о Богѣ различно отъ знанія музыки, ариѳметики, астрономіи, медицины; послѣднее пріобрѣтается чрезъ опытное изученіе или логическое мышленіе, а первое чрезъ непосредственное созерцаніе или посредственно чрезъ свидѣтельство другихъ, достигшихъ такого созерцанія. «Какимъ же образомъ философы могутъ правильно мыслить или говорить истину о Богѣ, когда они не имѣютъ познанія, не видѣли Его, не слышали о Немъ?» Іустинъ ссылался на присущій человѣку умъ (*νοῦς*), который, по ученію Платона, имѣетъ силу возвышаться до созерцанія Бога: но старецъ возразилъ, что это положеніе не имѣетъ никакого основанія,— что оно опровергается другимъ мнѣніемъ Платона, что не

каждый человекъ самъ по себѣ, по присущей ему силѣ ума, способенъ созерцать существо Божіе, но только очищенный добродѣтелю,—и что, послѣдовательно идя изъ положеній Платона, надо бы и животнымъ приписать эту способность, такъ-какъ души ихъ не имѣютъ существеннаго отличія отъ душъ человѣческихъ. Здѣсь старецъ коснулся Платонова ученія о переселеніи душъ. Несостоятельность этого ученія обличается тѣмъ, что души человѣческія, посылаемыя въ тѣла животныхъ въ наказаніе за свои грѣхи, не имѣютъ сознанія о своихъ прежнихъ прегрѣшеніяхъ, ни чувства своего временнаго униженія, и такимъ образомъ заключеніе ихъ въ тѣла животныхъ не достигаетъ цѣли— нравственнаго возмездія. Самое ученіе Платона о безсмертіи человѣческаго духа неосновательно въ томъ отношеніи, что онъ почитаетъ это безсмертіе безусловнымъ, имѣющимъ основаніе въ самомъ существѣ души. Это несогласно съ временнымъ происхожденіемъ, какое она имѣетъ вмѣстѣ съ міромъ, и ставило бы ее наравнѣ съ единымъ безначальнымъ, самобытнымъ Существомъ. Душа человѣческая не умираетъ, для осуществленія нравственнаго закона правды, не сама по себѣ, но по волѣ и силѣ Давшаго ей бытіе.

Такія разсужденія старца сильно потрясли опоры, на которыхъ утверждалась самодовольная увѣренность Іустина въ совершенствѣ Платоновой философіи и человѣческой мудрости вообще. «Какому же учителю можно довѣриться, откуда ожидать помощи, если и у тѣхъ философовъ нѣтъ истины?» съ скорбнымъ чувствомъ разочарованія воскликнулъ Іустинъ. То была рѣшительная минута, въ которой—вмѣстѣ съ чувствомъ тщетности и невѣрности чисто философскихъ изслѣдованій—еще сильнѣе сказалась неутоленная жажда новаго, удовлетворяющаго вѣдѣнія. Старецъ воспользовался

этой минутой, чтобъ указать искателю мудрости на единственный источникъ несомнѣнной истины. «Во времена отдаленныя отъ насъ—сказалъ онъ—древнѣе всѣхъ, почитающихся философиями, жили люди, называемые пророками,—блаженные, праведные и угодные Богу: они говорили Духомъ Святымъ и предсказали будущее, что нынѣ и сбывается. И они одни видѣли и возвѣстили людямъ истину; не зная страха ни предъ кѣмъ, не ища себѣ славы, они говорили только то, что слышали и видѣли, когда были исполнены Святаго Духа. Писанія ихъ существуютъ понынѣ, и кто читаетъ ихъ, получаетъ много пользы для познанія начала и конца вещей и всего, что должно знать философу, если только вѣруеть имъ. Они въ своихъ рѣчахъ не пускались въ доказательства, будучи выше всякаго доказательства, какъ достовѣрные свидѣтели истины, потому что прошедшія и настоящія событія вынуждаютъ вѣрить словамъ ихъ. Также по чудесамъ, которыя совершили, они были достойны вѣры, особенно когда они прославляли Творца всего, Бога и Отца, и возвѣщали о посланномъ отъ Него Христѣ Сынѣ Его.... Но ты прежде всего—заклучилъ старецъ—молись, чтобы отверзлись для тебя двери свѣта: ибо этого никто не можетъ видѣть или постигнуть, если ему не дадутъ разумѣнія Богъ и Его Христосъ.» Сказавши это и многое другое, старецъ удалился съ наставленіемъ подумать о томъ. Іустинъ болѣе никогда не видалъ его; но бесѣда его произвела въ душѣ философа неизгладимое впечатлѣніе. «Внезапно—говоритъ Іустинъ—возгорѣлся во мнѣ огонь и объяла меня любовь къ пророкамъ и къ тѣмъ людямъ, которые суть други Христовы; и размышляя самъ въ себѣ о словахъ старца, я нашелъ только здѣсь истинную и полезную философію.»

Такъ рассказываетъ Іустинъ о своемъ обращеніи въ хри-